
Дмитрий РАТНИКОВ

ПРИЛИВ

Н. Р.

* * *

Вечером возле залива, вписанного в проем скал, отшлифованных ветром и острием волны, сколько вмещает море в теле большом своем этого шума воды, этой сырой тишины? Чайки парят над крышей, ратуши острый шпиль, скрип суставов мансарды; не различить мазню стройного кипариса, хвойных в аллее; штиль медленно расправляет смятую простыню душного воздуха юга: пахнет тиной со дна, головоногими, рыбой, словно настал девон; и в полутьме луна в самом центре окна точно круглее буквы Джотто со всех сторон. Можно шуршать газетой, тихо листать планшет, но лучше выйти к заливу, где приливает вся сила движения моря, и там — н и ч е г о нет, точно чистая форма истинного бытия.

* * *

Ночью воздух находит форму в любых вещах — в профиле можжевельника, в опустевшем кафе на пляже; сырость ползет под рубаху и зюйд-вест трепеща, распускает морскую пряжу.

Пристань качает лодки, тихо скрипит канат, бдят на рогнауте птицы, забыв о юге; так волна за волною, точно реприза в фуге, повторяясь, бежит назад.

Пена скрывает бутылку, след, с собой унося черный хвост ламинарии, шум забивает уши; и по лунной тропе марширует стальной косяк рыб, готовых взойти на сушу.

Дмитрий Ратников родился в 1986 году. Окончил аспирантуру кафедры философии СмолГУ. Состоял в литературной студии «Персона» при филфаке СмолГУ. Публиковался в сборниках и альманахах, в журнале «Крещатик». Живет в Смоленске.

* * *

Есть ли предел у моря? Не сосчитать воды,
ибо она всегда та, что уже была.
Не остановить течение; не отыскать следы.
Нету у моря места, нету ему числа.

Даже если вместить цельной воды объем
в полую серую глину или зеленую медь,
вряд ли ее остановишь в состоянии том,
как она есть, заметить.

Так в полутьме предметы быстро меняют вид,
небо плывет над бездной, точно огромный скат.
Только зрачок скитальца может в себя вместить
бледный морской закат.

Сырость и соль залива, лодки качает борт,
рыбы плывут внизу, горные витражи,
и время ныряет в пространство или наоборот,
и море бежит... бежит.

* * *

Это — пустынный берег возле Широкой Балки.
Тишину нарушает звон алюминиевой банки;
приложи ее к уху — услышишь, как
моряки забытой на дне галеры
песни поют, погружаюсь во мрак
и глину неведомой эры.

В октябре муссоны летят из другой страны.
Волны бегут от натянутой вдоль струны
уходящего в серобетонную даль лимана.
Вечеру этой силе как бы уже вдогон
что-то следует из полутьмы тумана
и выходит на берег, кажется, сам Дагон.

И пропитанный сыростью воздух со всех сторон
накрывает собою горы, точно дурманный сон
накрывает сознание: больше не слышно птиц,
и нечеткий лес шелестит осторожно.
Переплыть это море, дойти до его границ —
более невозможно.

Я спускался и шел по берегу возле большой воды.
И шептал под подошвой песок: «Снова в нее войди».
И стучали камни гладкие, что слова.
И шумело-шумело пространство вокруг-вокруг.
Улетала к небу задранная голова,
превращая речь в первобытный звук.

И я шел и ждал, когда выйдут навстречу мне
из немой глубины, кто был на сокрытом дне.

* * *

Если долго смотреть на текстуру большой воды
в тот момент, когда выключает режим светило,
то увидишь время, профиль его, черты,
эту форму того, что было.

Если в той полутьме, в этом шуме сыром, прибой,
что морская собака, лижет твои подошвы,
то пора отвернуться к пространству всему спиной,
быть собой и покончить с прошлым.

Лучше выйти на трап и проститься с берегом, со
всем земным, что беглец, отплывая в шлюпке по штилю.
То, то может весло — не способно вообще колесо,
и бесследно идти — это свойственно килю.

И смотреть, как текучесть природы и космоса над
постепенно становятся целым, что не вмещает ум,
и наткнутся случайно на остров без координат
неизвестный, точно иной Колумб.

* * *

Зимний вечер на южном морском причале
похож на то, что было у бытия Начале:
монолитное небо, изгибы большой воды.
Мокрый снег, застилающий все облака,
липнет к кителю, контуру бороды
смотрителя Маяка.

Третий месяц нет никаких новостей из дома.
Письма не пишет дама. Страшней синдрома
одиночества — только болезнь рефрена.
Можно выйти на берег, где есть прибой,
где из тины ночью выходит сама сирена,
и протей пытается стать тобой.

И чем больше снега — тем меньше места
на черной почве точно в пробелах текста;
среди чудищ, коих не видел Овидий,
одноглазый маяк болтает туда-сюда,
и во рту умещается грог, а в словах от мидий
только одна вода.